

«Помогите!.. Спасите!.. Караул, потерялся!» — на всю тундру орёт, взъерошившись ёжиком, рыжий невзрачный котик. Орёт, взобравшись на доску, кособоко торчащую из намёта снега, и накрепко вцепившись четырьмя лапами в дерево. То надежда, то отчаяние слышатся в его уже охрипшем голосе... И ещё повыше забрался котик, может, увидятся знакомые места, отзовется кто; замолчал, прислушался — тихо; и как запищит пронзительно и жалобно, задрожав всем тельцем! Янтарные глазёнки таращатся во все стороны. Ушки то испуганно прижимаются, то топорщатся, чутко вздрагивая остренькими кончиками, стараясь уловить знакомый тяжёлый звук шагов или хоть голос. Нет, не слышать... Тихий шелест снега да противный, пугающий скрежет обледенелых кустов ивняка друг о друга. И ветра нет, а скрипят чего-то...

С полчаса Васька орал надсадно, до хрипоты, пытаясь дозваться хозяина. Ни мамы, ни братьев, ни сестёр не помнил Рыжий. Всех ему заменило огромное пахучее, в непонятной шерсти, существо. Шерсть эта у него постоянно менялась: то одна, то другая, то колючая, то пахучая. Пугался поначалу Васька, принимался настороженно, а потом привык. Все другие запахи солярный дух его хозяина перебивает. Что бы он ни надел, как бы ни выглядел, узнав, за версту Рыжий несётся к нему: хвост трубой, на плечо прыгает.

Но многого Васька всё же не понимает. Вот как можно есть всякую дрянь и не есть вкуснящих мышей? Сколько раз приносил хозяину жирную отборную мышку — только крик да ругань. Запульнёт в окошко, потом ищи её, а сам руки моет.

Лучше б Рыжему чашку помыл. Уж очень строгий хозяин: там не прыгай, тут не писай, это не рви. А сам такой грязнуля!.. Блюдце для воды не сполоснёт. Стухнет вода — лезет Васька в ведро. Оскользнулись острые коготки о железо, упал в воду котик... бр-р, холодно и мокро. Уф!.. противно. Неделю может заскорузлая от старой пищи Васькина чашка под столом стоять — хозяину хоть бы что! Ну разве можно из такой посуды кушать? Сам-то не наложит себе вкусного, душистого борща в грязную, немытую тарелку. Васька проверял. Любит котик в отсутствии друга на столе, среди посуды, газет, полежать, особенно если солнышко через окно пригревает. Только остерегаться надо, увидит и начнёт гудеть: «Ну что разлэгся, лежебока? Иди ешь, не вопи, морду не вороти... Ешь, говорю! Стол не твоё место. Кыш! Приведу Полкана, вот он тебе поддаст, он тебя быстро к порядку приучит...»

Полкана Рыжий видел — забегал от соседей, когда остался один, с голоду чуть не сдох. Этот Полкан похож на стоптанный драный валенок, валяющийся под кроватью. Только ещё лает и кусается очень больно. Да блох много.

Лезет Рыжий со стола, мурлычет рассерженно. Ну как подсказать бестолковому: «Вот вымой чашечку, сполосни, и я похлебаю с удовольствием борщечка, и чтоб кусочек мяса попостней»?.. Терпит Васька до последнего. Уж когда голод совсем допечёт, горланя на всю избушку, идёт есть. Не понимает хозяин душевных переживаний чистюли-кота, может тапочкою запустить.

А сам лежит, раскинув усы, смотрит на какой-то ящик. Шумит там что-то, мечется, но не мыши, и мышами даже не пахнет. Целый день может пролежать так хозяин. Похоже, как Васька у норки, сторожит. Сострадает Рыжий: старый кот его хозяин, неловкий, ленивый уже, и нюх сосем плохой, нет в ящике никакой мыши. Но не понимает, лежит, сторожит. Обнюхал даже, обследовал этот ящик Рыжий, и не раз это проделывал, демонстрируя хозяину бесполезность его лежания. А тот кота гонит: не мешай! Котик показывал, где сторожить полагается, полчаса сидел на кухне у дырки в полу: мол, вон куда смотреть надо, целое крысиное гнездо там. Хвост положил, усы от усердия наострил, глазом застыл: учись, бестолковый, и помоги — дырка маленькая, не достать крыс Рыжему. А хозяин, здоровила такой, двинул Ваську осторожно ногой: «Чего разлэгся, лентяй? Иди ищи мышей!» Нет, сосем старый

кот, и усы богатые, и большой, и сильный, а уж чуть-чуть с головой не в порядке. Но охотится хорошо: мясо свежее не выводится, рыбка свежая бывает. Иногда молочка сладкого из банки нальёт и обязательно испортит — с водой размешает; сам бы попил... Фыркает Васька.

Эх!.. Рыжий приник к доске, горестно взвыл. Кругом — белое безмолвие, пусто и гулко, как в большой бочке, в которую сорвался любопытный котик — почудилось, что мышки на дне шебаршат. Нашёл он там от мышек ссохшиеся шкурки. А Рыжий ещё маленький тогда был: до половины бочки допрыгнет и вниз — бряк! И страшно ему, и одиноко было, но всё равно не так, как сейчас. Там запахи родные кругом, шорохи знакомые, потом голос хозяина: «Васька! Рыжий! Ты где? Ты где, дурила?» Нашёл, услышал его писк, вытащил, спрятал под мышкой; как там хорошо было, тепло, мамкой пахло. Рыжий точно знает, что так пахнет мамой.

А теперь что делать?! Охрип Васька от крика, но нет хозяйина, не выручает. И холодно очень, ушки щиплет, лапки мёрзнут. Перебирает Рыжий лапками, плакать перестал, думать начал, смотрит по сторонам, и есть уже хочется. Пошевелил усами: вроде мышкой пахнет. Глянул вниз под доску: ни дырочки, ни тропки, не шуршит никто. Поднял глаза: недалеко целая куча старых досок. Может, там? Раз, раз — подняв хвост, перепрыгнул туда. Да!.. Запах крепкий, тёплый, где-то совсем рядом мышки. Васька пробежался под досками — нет, не видать. Вылез наверх — ух, холодно! Бум, бум, бум... Кто-то скачет. Рыжий юркнул под кусок рубероида. Недалеко, ну совсем рядом, остановился, присел на задние большущие лапы белоснежный ушастый зверёк. Уши столбиком, усы с мордочкой — туда-сюда, туда-сюда. Васька — очень любознательный кот, высунулся из-под доски, стараясь получше разглядеть диковинного зверя. Вроде как на Ваську похож, усы особенно. А тот вдруг уши длинные прижал да как скакнёт! — и нет никого, только пыль снежная искорками серебрится в морозном воздухе.

Эх! Что ж он так испугался, вон ведь какой большой, вдвоём жить веселее, может, и дорогу домой показал бы. По всему видать, местный кот...

Васька и сам не понял, как это получилось: прыг — и в зубах у него сладко хрустела мышинная тушка. Всё до крошечки собрал Рыжий, все капельки крови на траве облизал. Аккуратненько умылся и загрустил.

На далеко задумывать котик ещё не умел, есть пока не хотелось, а поспать, подремать у тёплой печки — самое б время. Попробовал пролезть подальше в доски. Фу, как холодно! Трава жёсткая, колючая, доски стылые, твёрдые. Опять Рыжий заплакал, полез на волю. Понюхал воздух — вроде пахнет старым дымом, жильём каким-то. Человеческого нет, но дым или гарь сырая, тяжёлая висит в воздухе. Чудится что-то родное, знакомое в её прогорклости. Котик осторожненько пошёл по вездеходному следу в сторону запаха. Неудобно идти: комки твёрдого снега бьют лапки, а по целине страшно — дух там совсем чужой, незнакомый. Тут привычно пахнет железом, солярой, горелой резиной, и ещё не счесть сколько близких, запашистых, родных примет.

Рыжий испуганно заверещал, бросился на спину: огромная тень скользнула по нему, исчезла в снежной белизне. Не видя и не понимая, кто напал на него, но инстинктивно чувствуя смертельную опасность, Васька гигантскими прыжками, не разбирая дороги, помчался туда, где, как ему казалось, пахло спасением. И опять сработал инстинкт: непонятное чувство бросило Ваську, растопырившего лапы и ощерившего когти, на спину. В это раз он успел заметить, кто напал на него, — огромная белая полярная сова.

Стара, опытна птица и пока не голодна: что для неё Рыжий? — драный котик, поиграть с этим лисёнком хотела, позабавиться, но, неожиданно промахнувшись, рассердилась. Стальными когтями-пальцами враз ломала шейные позвонки зайцу. Лиса и песец от ужаса обмирали, заметив огромную птицу. А эта рыжая зверюшка раззадорила старую. Быстра, конечно, и проворна, ну разок промахнулась, да ладно, чего себя корить, не учла ловкости зверька.

Ещё раз бесшумно заходила хищница на Ваську, уверенная в своих силах. Доля секунды, мгновение — и сомкнулись в смертельной хватке её когти на загривке рыжего незнакомца... и опять промахнулась. Как? Непонятно... Успела увидеть такого же цвета и разреза, как и у неё, глаза. Совсем разъярилась пернатая хищница, без подготовки, не осмотревшись, в третий раз спикировала на драного лисёнка.

И опять в последнее мгновение неожиданно упала эта зверюшка на спину, страшно зашипела, стремительно замахала лапами, глаза янтарным злым светом так полыхнули, что сове даже жутковато стало. Птица тяжело опустилась на старую

бочку, возмущённо защёлкала клювом, сердито заухала. Рыжий зверёк между тем юркнул в окно охотничьей избы.

Старая сидела, думала, озадачила её эта рыжая лисичка: вроде такая мелочь, а не испугалась огромной совы, и когти на лапах опасные, их острые шильца заметить успела — ни у кого в тундре таких нет. «Буду сторожить, — решила сова. — По всем признакам, зверёк мясо любит: когти и зубы-то для чего? Не траву жевать. Ничего, выйдет на охоту, мышей, леммингов в домике поест и к доскам полезет, тут-то я его и подстерегу...» Терпения у матёрой, опытной хищницы достаточно, глаз ещё ой какой зоркий. Сова поднялась, облетела свою вотчину: порядок есть порядок. Рыжая зверюшка на неделю, а то и больше спрячется, спокойно можно заняться промыслом.

Дело к весне, куропатки стайками запорхали по кустам, почки тальниковые щёлкают. Но нагородили двуногие, бесовестные, заборов из тальниковых веточек, в них воротца с проволочными или лесковыми петлями устроили. Десятками глупые лезут туда, бездыханные в петлях остаются, вот тебе и вся охота — ешь от пуза.

А теперь забота маленькая, но мешает — рыжая непрощеная зверюшка появилась в её владениях. Занервничало, забеспокоилось её белое величество. Придётся подумать, разобраться по этому случаю и принять решение. Если по старости промахи делает — это одно, от старости не убежишь. А вдруг зверюшка очень хитра и изворотлива? Так тем приятнее с ней совладать.

С проходящего вездехода, наверное, отстал зверёк, гарь вонючая уже осела в морозном воздухе, тут останавливались, тут мужики наставили петель. И стайка белоснежных таловок, пожалуйста, как звали их... подлетели, рассыпались, разбрелись по чуть сероватому подтаявшему снегу. Две молодых, глупых сунули свои головёнки в лесковый силочок и попались, трепыхаются теперь... Э-хе-хе!

Досадливо покряхтев, сова слетела с бочки к городку, стукнув мощным крючковатым клювом куропатку в голову, — зачем мучиться бедняге? — схватила её когтями и вместе с петлёй и палочкой взмыла в воздух. Она уже присмотрела недалеко от развалюхи крепкую старую лиственницу, надёжно уселась на ветке. «Ничего, милый, я хоть и не такая ловкая, зато терпения у меня хватит на десять таких быстрых». Пицца рядом, туда-сюда — и опять сова сидит на дереве с куропаткой в когтях.

Но, надо сказать, презирала старая хищница такой способ охоты, и стыдила себя: бесчестно это и нехорошо, ладно уж эти двуногие, глупые они, не понимают природы. Ведь вот и она как-то по молодости всю весну пользовалась добычей в петлях и так ожирела и обленилась, что чуть не сдохла от голода, когда городки растаяли. Даже по больному зайчишке промахивалась. Сейчас успокаивала себя тем, что такая охота нужна для дела. Но понимала: лукавит в душе. Чувствовала: стареть стала; а потом, как удобно всё же: не мотайся целыми днями над тундрой, не порти глаза, выискивая мышиную строчку, и не сиди часами, замерев, в ожидании этого комочка живой плоти... на раз клюнуть — сова сердито щёлкнула клювом,— и так всю долгую полярную жизнь.

Совсем расстроившись, старая решила, что последний раз делает себе поблажку, а то совсем от рук отобьётся её район: больные куропатки уже есть, мышей развелось видимо-невидимо. Эх! Никакой пользы от этих людишек, всё перевернули, всё по-своему поставили. И этот рыжий, это они оставили... непонятно зачем. Но на всякий случай убрать его с территории надо — чужой, непонятный зверь! Может, болезнь какую дурную зверюга занесёт. Сидит сова, мыслит.

А Васька через выбитое окошко влетел в избушку и в ужасе нырнул в тёмный угол. Под нары забился, затих, чутко прислушиваясь к звукам снаружи. Но долго любознательный котик не высидел. Место незнакомое, интересное, новых запахов невозможно сколько. Всё интересно...

Осторожно вылез из тряпья и мусора, не спеша обошёл своё пристанище, тщательно всё пронюхал, кое-где и лапкой потрогал. Хозяином не пахнет. Человеческим, но чужим тянет. Определил, что мышей, по всему, тут много. Только уж очень неуютно, холодно. Хорошо хоть снега нет и не дует, дверь плотно прикрыта, край стекла в окошке чуть отбит, в него и шмыгнул Васька. Снежка надуло на подоконник, а так, похоже, давно домик пустует. Печурка железная есть, из неё гарью на всю округу и тянет, полна золы. Вот где тепло, если разжечь, конечно. Не умеет Рыжий это делать. Её-то и потрогал лапой: ох! Ужас какая холодная. Облазил углы и закоулки. Мышей!.. Запах!.. Дышать невозможно. Ну, чем заняться? Летающая зверюга далеко, в маленькую дырочку ей не пролезть, опасаться нечего. Думал Васька отдохнуть, присмотреть, где помягче и теплее, но уж очень нагло кто-то шебаршил в углу тёмного тамбура. Через пять минут забавлялся Рыжий толстой,

жирной мышью. Хоть с виду и неловкая, больше на крота похожа, чуть не цапнула Ваську за нос острыми резцами. Очень агрессивная мышка оказалась: заверещав пронзительно, перевернулась на спину — и на Рыжего. Кот аж на хвост присел, ну точь-в-точь как полчаса назад он от совы отбивался.

Не позволил себе Васька растеряться: только лемминг, а это был он, собрался юркнуть в норку — цап!.. его Рыжий поперёк туловища, тиснул покрепче, за шею перехватил, подержал, сердито урча и оглядываясь: не подходи, мол. Да кому тут, в такой свирепой холодине, с Васькой соперничать?

Наигрался Рыжий вдоволь: и бросал мышку вверх, и катал лапой по полу, по нарам прыгал с ней, — забылся, где он и что с ним. Поднагнал аппетит, аккуратненько слопал лемминга, обиходил себя и, потянувшись, отправился на поиски хорошего ночлега. Тряпья на нарах хватало. Даже подушка пуховая была, разодранная мышами — перо в гнёзда таскали. Но много и осталось: матрас драный ватный, куски ватного одеяла. Васька вполне уже освоился на новом месте. Да и что от несмышлёныша ждать? Восемь месяцев коту, умишка чуть-чуть — ребёнок: желудок успокоил, от совы спрятался — и доволен. Теперь переварить всё это, местечко поукромней да помягче найти. Рыться в тряпках Васька приучен: частенько, спасаясь от холода, лез под одеяло к своему хозяину, у тёплого бока грелся. Вот и тут — подсунул морду под край какой-то рвани и полез. Долго лазил, пока не нашёл удобное место: нигде не дует, внизу мягко, со всех сторон мягко. Потом Васька понял, что в подушку залез, в пух зарылся, свернулся калачиком, пригрелся и уснул.

Кот успокоился, а всё население избушки только и ждало этого момента, зашуршало по всем углам, заскребло, засуеилось. Там грызёт кто-то старое гусиное крыло, тут мосол оленя кто-то пытается тащить. Надо думать, внёс ненужную суматоху в привычный мир обитателей избушки Рыжий Васька. Сам спит, а народ суетится, запасы прячет.

Большая полярная сова сидит в это время на дереве, терпением Бог не обидел, сыта, тепло одета. Слетит к силкам, сорвёт куропатку, к себе поднимет и скубаёт потихоньку крепким клювом. «Хоть я и старая, но умная, жизнь непростую прожила: вылезешь, рыжий непрошенный гость, — накажу насмерть». Уже и неделя, и вторая, и третья прошла — не улетает хищница, терпеливо ждёт. Но и кот не лезет наружу — наверное, мышей в домике много.

Но Ваське уже не просто есть хочется: мыши и лемминги или попрятались, или подъел он их, а может, осторожнее стали. Вчера перекусил маленькой, сегодня лежит в тёплом гнезде, грызёт пустое гусиное крылышко. Ушки у него болят, загнулись, острые кончики обвисли. Ох как хочется Рыжему кушать.

Сядет Васька на подоконник, вожделенно смотрит на пернатого хищника. И чем голодней кот, тем дольше сидит на окошке, думает, как ему узнать, откуда крылатая зверюга птичек таскает. Хочет Рыжий под дерево сбегать, там вкусных костей, наверное, валяется уже много, видно, как перо да крылья падают вниз. Но как успеть? Хоть и рядом дерево, метров тридцать-сорок, но сова — хищник бесшумный, глазастый и опасный. Помнит Васька её страшный клюв и когти, перед глазами мелькавшие: сцапает — не вырвешься. Понимает, что его поджидает старая, за ним охотится.

Ну а та наготове, ждёт: пора рыжему зверьку на охоту выбегать, — посерьёзнела. Да и случай подвернулся непутёвый, неприятный — разъярилась старая не на шутку. Вытащила она из петли трепещущую живую куропатку, поднесла к себе на сук. Пока сова мостилась, та из когтистой лапы вывернулась и — порх! — в сторону домика, да чуть Ваське не в окошко. Тот рыжей молнией шмыг на улицу да цап... птицу зубами за крыло — и под домик. Сова глаза выпучила, защёлкала клювом: «Ну, всё, этого рыжему наглецу не прощу».

А Васька чуть не лопнул, но всю куропатку съел, еле в дырку пролез. Двое суток переваривал. На третьи опять на подоконник пристроился. А солнышко-то светит! Греет! Тепло уже, пичужки маленькие замелькали, чвыкают по кустам, по тальнику, самая б охота коту. Но сидит насупленно ведьма старая на суку, и Васька зло сторожит её.

А та непростая птица. Почувствовала, что не совсем глупая и трусливая эта зверюшка. Осторожничать стала: облетит свой насест, прежде чем сесть, проверит, не караулит ли её рыжий разбойник. А котик присмотрел-таки, откуда старая куропаток носит, выскакивал на крышу, следил за птицей. По склону крутого берега, совсем недалеко, — городок из веточек, частоколом набран, петель на пятьдесят. Подальше её — ещё один, на столько же. Много куропачьих тушек белеет вдоль кустиков, пора бы и охотникам прибыть, но дела, наверное, держат.

Совсем как-то разъярился от голода котик, дождался, когда сова слетела с насеста, и — прыг, прыг — к ней под

дерево. Какие там кости — перо пустое. Ох как облютел Рыжий! И домой прятаться не хочет. Добежал до досок, осмотрелся — нет совы. Совсем рядом заборчик тальниковый, и куропаток в петлях у воротец предостаточно лежит. Оглянулся Васька ещё раз на домик — да по насту к городку. Цап — куропатку, а она как железная, мороз всё же, да и ни с места — в петле. Дёрг, дёрг — не порвать леску. Он к другой метнулся, к третьей... Растерялся Рыжий, мечется по городку, изо рта перья белые торчат, глаза янтарным огнём полыхают...

Вдруг тень стремительная, зловещая сверху его накрыла. Или ловок Васька, или разжирела старая от дармовой пищи — двумя когтями только схватила Рыжего за плечо и успела вскользь клюнуть за ухо. Вырвался кот, разъярённо вереща, кровью напитываясь, а ещё больше злобой. Сова досадливо взмахнула огромными крыльями: «Не уйдёшь теперь, дружок... мой ты, не зря сторожила». Рванулась вверх, а кто-то за ногу — дёрг назад. Не поняла сразу, что такое. Она опять вверх, а её безжалостно, грубо — вниз!..

И забились жестокая хищница, ломая тонкие веточки, поднимая снежную пыль. Намертво обхватила лесковая петля когтистую лапу: не вырвать, не сорвать и клювом не перебить — прочно привязана к толстому тальниковому кусту. Все петли к палочкам, воткнутым в снег, прикручены, а эту как специально ей приготовили.

Рыжий, как увидел, что с его врагом приключилось, рванулся в гневе, в задоре боевом на могучую птицу, от боли и унижения всякую осторожность потеряв. Вцепился той в голову, заработали когтистые лапы, как спицы велосипедные мелькают, пух и перья летят от совы.

Быстро сообразила та: «Чёрт с ней, с петлёй, зверюшка рыжая во сто крат страшней, не зря опасалась». Несколько раз сбрасывала Ваську в снег, раза два крепко прихватила кота клювом в бок и в спину.

И зачем, глупый, лез в драку?.. Собирай куропаток, пока сова на привязи, да живи до лета в своё удовольствие. Уж на уток охотники обязательно приедут в домик. Так нет, ввязался в смертельную схватку — обидели его, оскорбили, не забыл, как бежал от совы в испуге, словно заяц. Выстебал Васька в бешеной ярости противнице глаза, истекая кровью, добрался и до горла злодейки.

Бьётся огромная, могучая хищница на окровавленном снегу: вперемешку белые перья, рыжая шерсть. Сам кот, как кусок пламени, трепыхается на ней.

Издали, с вездехода заметили мужики: что-то непонятное творится у куропачьего городка. «Лиса! Смотри, в петлю влетела! Гони! Быстрее! Уйдёт!..»

Огромный бородатый мужик размахнулся прикладом ружья. Но не нужна уже его помощь. В честном поединке, один на один, одолел Рыжий Васька свою обидчицу, своего смертельного врага. Может, не рассчитала сил, а может, уверовала в непогрешимую справедливость природы сурового края. Кто он, этот рыжий наглец, вторгшийся в её безраздельные владения? Кто эти его хозяева, и что делают они тут, устанавливая свои порядки и законы?..

Мужчина осторожно пытался оторвать Рыжего от совы. А тот, в боевом задоре, никак не отойдёт, не очнётся от схватки: в крови, в перьях весь. Уцепился когтями, зубами в шею неподвижной птицы, урчит злобно, чуть не на хозяина бросается. «Вася, Васенька, успокойся, разбойник. Герой! Герой!» Мужики кругом стоят, головами качают.

Красивая, величественная птица, жалко, что так случилось. Огромные крылья по снегу раскинуты, страшные когти чуть подрагивают, огромные янтарные глаза белёсой пеленой затягиваются. «Возьми, чучело сделаешь, память будет...»

Рыжего за пазуху, сову бесцеремонно, грубо за крыло — и в кузов вездехода. Поехали!..

«Васенька, прости меня, бестолкового. Не догадался, что тут тебя потеряли, весь посёлок обегал. Думал, или собаки разодрали, или в город увезли. А ты вот где... Эх, бедолага!»

А Рыжий Васька и не понимает, что он бедолага. Стёрли с Рыжего кровь, стряхнули перья и волос, выдернутый клювом и когтями совы из котика, намазали ранки зелёной. Больно, да нет сил у Васьки сопротивляться; намотали бинтов гору, сунули хозяину: «Береги, золотой кот!»

Мурлычет утробно, взahlёб, зарывшись в тёплую пахучую пазуху, Рыжий Васька. И всё он уже забыл: и холод страшный, и сову ненавистную, и домик, его приютивший...